

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА

ВЛАДИМИР
ГЕННАДЬЕВИЧ
БОГОМЯКОВ,
МАРИНА
ГЕОРГИЕВНА
ЧИСТЯКОВА

ВНЕНАХОДИМОСТЬ «ЗЕМЛИ ТЮМЕНСКОЙ»: КРИЗИС РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы идентификации Тюменской области, определения ее социокультурной специфики.

Если совершить экскурсию по тюменским ресторанам, окажется, что, пожалуй, один лишь «Потаскуй» хранит черты старотюменской аутентичности, да и то в контексте, скорее, умильно-мифологическом (остальные заведения вполне бы могли существовать в Перми, Москве или в любом другом городе). Старая тюменская архитектура почти полностью исчезла под массивированным натиском победоносного хантымансийско-турецкого градостроительного стиля (облик города разительно менялся от десятилетия к десятилетию; в 1961 г. один из авторов статьи жил в пятиэтажке на улице Ленина, 63 у Городского сада — это был, кстати сказать, первый и единственный в Тюмени пятиэтажный дом). Не так просто конструируется в пространстве социума и культуры и идентичность «земли Тюменской», центром которой выступает город Тюмень.

«Земля Тюменская» всегда считалась Сибирью. В 1803 г. для всех земель к востоку от Уральских гор было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство. После реформы М. М. Сперанского начинают различать Западную и Восточную Сибирь (граница их проходила по реке Енисей). К Западной Сибири всегда относили Тобольскую, Омскую и Томскую область. Западная Сибирь — это, как сказал в свое время В. П. Семенов-Тян-Шанский, «коренная Сибирь». Но недаром Н. В. Кюнер, выступая в 1918 г. во Владивостоке, произнес: «О Сибири можно мыслить различно!» К маю 2003 г. о Тюменской области центр стал мыслить так, что сделал ее частью Уральского федерального округа. А Урал — это совсем не Сибирь: другой мир, другое пространство, другая жизнь (несмотря на то, что от Тюмени до Екатеринбурга всего 300 километров). В «столице деревень» Свердловск-Екатеринбург никогда особой любовью не пользовался. Для некоторых дистанция между Тюменью и Екатеринбургом — это дистанция между «сибирским роком» и слащавой екатеринбургской попсой. И вот — оказалась Тюмень на Урале...

В России ли «земля Тюменская»? До конца XIX в. говорилось о «стране Сибири»; а в блатных песнях и позднее пели: «Перемахнули за Урал, прощай Европа, я

удрал в далекую страну Хамардабан». Страна эта — не привычная Россия, а свободное малообжитое пространство, куда с трудом дотягивает свои щупальца государство, но, с другой стороны, это мрачный край каторги и ссылки на задворках русского orbis terrarum. В конце XIX в. прочно утверждается понятие «азиатская Россия» (равноправная во всем русская земля). О единстве России европейской и азиатской много писали В. П. Семенов-Тянь-Шанский, затем — евразийцы. Но, одновременно, живет в сознании части народонаселения представление о Сибири автономной, отделенной от России. М. А. Бакунин, один из властителей умов радикальной интеллигенции, считал, что независимость Сибири — дело времени. К началу XX в. в спорах централистов с регионалистами и областниками рождаются формула «Россия и Сибирь», лозунг «Сибирь для сибиряков», претензии к метрополии, которая «лишь тормозит развитие Сибири» (Н. М. Ядринцев). Во время существования «Союза нерушимого республик свободных» настроения сибирского сепаратизма были вытеснены из дневного сознания в глубинное общественное подсознание, но в последние годы находятся влиятельные разжигатели таких настроений, вроде Збигнева Бжезинского (предрекающего образование на постсоветском пространстве России московской, России петербургской, России сибирской и еще некоторого количества разного рода России [Бжезинский 1997]), а также самого Б. Н. Ельцина, предложившего в свое время брать суверенитета, кто сколько сможет унести (что в условиях ослабления государства и падения его авторитета во всех сферах жизни навевает региональной элите сладостные мечты о возможности построения самостоятельного, сказочно богатого нефтью и газом княжества). Конечно, сепаратизм — это крайняя позиция, которую разделяют (тайно или явно) лишь незначительное число обитателей «земли Тюменской». Однако, всем им, конечно, понятны слова дореволюционного автора М. Г. Гребенщикова о существовании многих России (не в политическом, а в социокультурном смысле).

Провинциальна ли «земля Тюменская»? Если бы этот вопрос задали столичному жителю и попросили бы ответить на него на основании анализа средств массовой информации Тюмени, ее телевидения или, к примеру, глянцевого журнала типа «Я покупаю», то ответ был бы однозначен: да, провинциальна. Ибо во всем — чрезмерность, граничащая с китчем, и развязность, проистекающая, видимо, от глубинных подозрений самих себя в провинциальности и от стремления эту свою провинциальность завуалировать. Однако, ответ на вопрос о провинциальности не столь прост, как это кажется на первый

С. Теренелкин. ОФОРМИТЕЛИ

взгляд, ибо дуальная схема «столица — провинция», рождающая сентенции вроде приснопамятной «Москва говорит — Россия слушает!», давно уже не работает: и столица уже не столь столична, и провинция уже не столь провинциальна; к тому же столиц оказывается несколько, а присущая им столичность — различной. Провинция зачастую понимается как территория истинности и сокровенности; лоно, плодоносящее и рождающее; место, самое близкое к земле; место, где не перестает свершаться нечто промыслительное, где хранятся вечные ценности и абсолютные смыслы. Однако тюменская жизнь очень часто бывает по-столичному неподлинной, рождая в мятущихся умах так называемый люкримакс — тягу к настоящему и истинному, которое далеко, — уж никак не здесь, в этом месте, где все кажется неглубоким, случайным и не имеющим особого смысла. А иногда бывает тюменская жизнь по-плохому провинциальной, обнаруживая болотную аморфную зыбкость, аполитичность, позу некоего вечного жалобщика на притеснения со стороны паучихи-Москвы. Центр и периферия, друг без друга не возможные, друг друга держат и бросают, друг друга обуславливают и опровергают, растут за счет друг друга и терзаются от недостаточности.

Что такое Тюмень: «столица деревень» или центр района нового промышленного освоения? Нефтяной и газовый бум изменил не только облик Тюмени, но и сам ее дух. Уже сам глагол «освоение» имеет противоречивые смысловые оттенки: с одной стороны, субъект овладевает чем-то, а с другой — вынужден изменяться для того, чтобы овладеть. Тюмень, став центром создания нефтегазового комплекса, утратила прежнюю захолустную целостность, обнаружила в себе нечто совершенно не свойственное ей ранее, нечто незнакомое и чужое; стало происходить глубинное ее переустройство. Каков основной отличительный (не административный, но социокультурный) признак, отличающий «землю Тюменскую» от иных краев и областей? Лет 20 назад титул столицы нефтяного края, как считали многие, выражал специфику Тюмени. А сама «земля Тюменская», раскинувшаяся от степей Казахстана до Северного Ледовитого океана и соединившая в себе несоединимое, казалось, объединена была важнейшей хозяйственной задачей освоения нефти и газа.

Сегодня в Тюменской области автономные округа, входящие в область, стали равноправными с областью субъектами Федерации, в которых идет освоение месторождений нефти и газа. А Тюмени остался юг области: она уже не «столица деревень» и не «столица нефтяного края», а город с неясным образом и неясной судьбой. Затрудняет региональную идентификацию и большой поток мигрантов (с иными региональными идентичностями). Сегодняшняя идентичность «земли Тюменской» для многих, приехавших сюда, ассоциируется только с возможностью заработать неплохие деньги, что, естественно, ни в коей мере не передает специфику региона. Внутреннюю идентичность региона выявить сложно; на поверхности — лишь внешние идентификационные образы, преимущественно, экономического содержания.

Мы видим, что налицо феномен, называемый «кризисом идентификации» и характеризующий психологическую сферу эпохи Постмодерна (Дж. Уард). При кризисе идентификации у субъекта разрушается целостное самовосприятие, жизнь уже не кажется идентичной сама себе, наступает кризис мировоззренческой универсалии «судьба». Кризис идентификации связан с ацентризмом, то есть отсутствием фундамента и центра, исчезновением приоритетных осей и точек, что дает дорогу плюральным аксиологиям, плюральным социальным и культурным контекстам [Постмодернизм 2001: 57].

На наш взгляд, было бы совершенно неверным рассматривать кризис региональной идентификации лишь в негативном плане. Здесь вспоминается очень интерес-

ное понятие «внеаходимость», предложенное в свое время М. Бахтиным. Бахтин употреблял его по отношению к человеку, но внеаходимым может становиться любой субъект, в том числе и регион. В ситуации внеаходимости своя подлинная сущность обнаруживается субъектом в точках несовпадения с самим собой. Внеаходимость — это всегда противоядие против слияния с внешними смыслами и сиюминутными состояниями. Это толчок к удивительной внесмысловой активности, позволяющей внесоциально объективировать жизнь, взглянуть за грань унылого коллективно-общинного и унылого анархически-зооморфического житья-бытья.

И вот когда бережно-созерцательный взгляд уходит от внешних отношений с социумом, то «земля Тюменская» открывается ему как пространство и воля; как незанятость, незакрепленность, незаполненность, как место для будущего и будущей свободы; как место, где «все возможно» (М. М. Пришвин), где «бесформенность, хаос, но все же лик» [Дворцова 2003: 10]. И гораздо понятнее становятся слова О. Шпенглера о восходе сибирской цивилизации или рассуждения В. Шубарта об исповедании русско-сибирской оценки мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // Независимая газета. 1997. 24 октября.

Дворцова Н. П. Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина // Город как культурное пространство: Материалы региональной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения М. М. Пришвина. Тюмень, 2003.

Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001.

Т. Барилкин. ОЛЕНИ СЕВЕРА